

Ишида Рё

История о том
как моя тётя-
извращенка
стала моей
девушкой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ишида Рё

История о том как моя тётя-извращенка стала моей девушкой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67616039
SelfPub; 2023*

Аннотация

Страстной любви, чувственному влечению не способны помешать ни разница в возрасте, ни родственные узы, ни даже склонности к извращениям у одного из партнёров. Всё это не препятствие, если двое любят друг друга по-настоящему, если они были рождены друг для друга. На свадьбе отца Роман познакомился с прекрасной молодой девушкой. И хотя тогда ему не было ещё десяти лет, страстно влюбился в неё. Прошло восемь лет, в течение которых он так и не смог забыть свою первую любовь. Отец его умер, и он живёт в Токио вместе с мачехой. В это время в город переезжает младшая сестра его матери. По личным причинам она останавливается у них в квартире. Каково же было удивление Романа, когда его тётя оказалась той самой девушкой, о которой он мечтал столько времени. И даже её необычные сексуальные предпочтения не могут погасить пламя

страсти, разгоревшееся в его груди. Все персонажи, участвующие в сексуальных сценах, совершеннолетние.

Ишида Рё

История о том как моя тётя-извращенка стала моей девушкой

Это была последняя электричка на линии Сенкансен. В вагоне я был практически один, если не считать женщину клевавшую носом в его противоположенном конце. Женщина показалась мне уставшей и какой-то измученной, она выглядела, скорее всего, старше своих лет, кричащая косметика на её лице только усиливала это впечатление. Скорее всего, она работает официанткой в каком-нибудь кафе или ресторане. Например, кафе с горничными. Я представил себе, как эта женщина может выглядеть в чёрной униформе с белыми кружавчиками, ей бы пошло. Поезд слегка покачивался из стороны в сторону, его длинное тело напоминало гигантского металлического червя. В его ярко освещённом брюхе ехали в этот поздний час лишь несколько человек, несколько лузеров, обделённых простым счастьем, доступным большинству обычных людей. Глядя в ночь сквозь тёмное стекло вагона, я особенно остро ощутил свою оторванность от этого навязываемого всем нам стандарта человеческого общества. С одной стороны возникало чувство одино-

чества, но с другой стороны эта оторванность делала меня особенным не таким, как все остальные. В принципе пора было уже привыкнуть к этому, каждый второй день я возвращался с подработки в это время, еле-еле успевая на последний поезд на Хачикаву. Можно было конечно пользоваться обычным поездом вместо дорогущего сенкансена, но трястись на два часа дольше очень не хотелось, да и к тому же ученический проездной давал определённые преимущества. Поезд замедлил ход, я поднялся и пошёл к выходу. Проходя мимо женщины, я заметил удивлённый взгляд, японки такие непосредственные иногда! На самом деле, за почти восемь лет жизни здесь я стал равнодушен к тому, что моя внешность и высокий рост вызывают повышенный интерес, и уже давно не обращал на это внимания. Выйдя на платформу, поправив на плече съехавший рюкзак, я прошёл через турникет и быстро зашагал в сторону своего дома. Фонарь на углу улицы прерывисто мигал, пощёлкивал, грозя того и гляди погаснуть. Многоквартирный дом, в котором мой покойный отец и его жена больше года назад арендовали дешёвую квартиру, встретил меня чёрными окнами, ни одно из которых не горело приветливым светом. На секунду мне показалось, что дом этот умер, мне потребовалось некоторое усилие, чтобы заставить себя подняться по лестнице. На длинной, выходившей на парк галерее горела единственная лампочка так, что я едва мог рассмотреть замочную скважину на двери своей квартиры. Немного повозившись, я отпер дверь,

вошёл и сразу включил свет в крошечном коридоре.

– Я дома!

Ответом мне была тишина. Я снял обувь и прошёл внутрь. Вся квартира состояла из двух комнатушек размером в восемь с половиной татами, одна из комнат была совмещена с ещё более крошечной кухней. Большим плюсом этой квартиры было наличие душевой кабины, ванная конечно, но всё же хоть что-то. Скинув кроссовки, я прошёл в комнату, заглянул на кухню, гора не мытой посуды всё также лежала в раковине. Из крана время от времени капало. Акари, по всей видимости, в моё отсутствие не появлялась. С тех пор как отец умер, мачеха стала редко появляться дома. В принципе я не мог винить её за это. Ей не было ещё сорока и, она не обязана была ставить крест на своей личной жизни. Я был благодарен ей уже за одно то, что она не выгнала меня, совершенно чужого ей человека на улицу. «Надо бы посуду помыть» – подумал я, заваливаясь на старый ободраный диван. Я предусмотрительно поужинал в кафе, в котором подрабатывал грузчиком, и сейчас идти на кухню было лень. В моей голове скакунами пронеслись мысли о том, что уроки опять не сделаны, а завтра надо бы появиться в школе, в которой я не был уже, кажется, три дня. Глаза мои слипались, мысли о том, что бы принять душ отдалялись от меня, становились размытыми и незначимыми. Всё-таки в том, когда живёшь один, есть свои плюсы! Я нащупал телефон и уже почти засыпая, взглянул на экран. Это было сообщение

от Акари. «Привет родной!» Родной?! Бл-дь! «Меня некоторое время не будет дома, так что не скучай и не води девушек каждый день! ЛОЛ! Да забыла тебе сказать, завтра к нам приедет моя младшая сестра. У неё возникли небольшие проблемы, и она некоторое время поживёт у нас! Надеюсь, вы поладите! ЛОЛ! Не скучай! Мама». «Дура!» – подумал я со злостью. Честно говоря, порядком раздражало, что Акари продолжала играть роль моей матери. На мой взгляд, это выглядело очень глупо. Мы с ней не были особенно близки, даже когда был жив отец, и уж тем более я не видел причин сближаться с ней сейчас. С другой стороны, Акари мне нравилась и, я, наверное, даже испытывал благодарность, к этой, в общем-то, чужой для меня женщине. В средней школе Акари вполне ответственно играла роль моей матери, ходила на все собрания, так как отец был постоянно занят. Со стороны выглядело, наверное, что мы очень близки. В общем, мне грех было на неё жаловаться. Потом я попытался вспомнить, как выглядит младшая сестра моей мачехи. Вероятно, я должен был видеть её на свадьбе Акари и своего отца, восемь лет назад. Там было несколько молодых женщин, в памяти остались какие-то смутные пятна вместо их лиц. Честно говоря, ни одно из этих лиц не оставило какого-то существенного следа в моей памяти. Впрочем, в то время лица всех японцев казались мне похожими одно на другое. Но одну девушку я запомнил. Из всех людей, бывших на свадьбе, я хорошо запомнил именно её. Впрочем, было бы странно, если бы я её

не запомнил. Редкая красавица, изящная, тонкая, улыбка её была то, что называется солнечной. Когда она улыбалась её лицо, словно начинало светиться изнутри. Мне запомнились два ряда белых ровных зубов, никогда ни до, ни после не видел таких красивых зубов, её длинные чёрные волосы, золотые серёжки в мочках маленьких ушей. В первый раз кто-то из японцев показался мне красивым. С этого дня я стал различать лица японцев, я увидел, что они все разные и среди них много красивых людей, много красивых девушек, но она была красивее их всех! Честное слово, после этой девушки, ни одна модель или актриса не смогла произвести на меня сильного впечатления. Во время праздника я сидел в стороне, старался не встречаться ни с кем глазами, я никого здесь не знал, мне было грустно и неудобно. Тогда я ещё болезненно воспринимал, повышенное внимание, которое привлекал к себе. Я злился, мне хотелось уйти и где-нибудь спрятаться. Другие гости косились на меня, даже не поднимая глаз, я чувствовал на себе их недоумённые взгляды, и вдруг я почувствовал до жути приятный запах. Я поднял голову, это была она, та самая девушка. Наклонившись ко мне, она что-то спросила на японском и улыбнулась, слегка прикоснувшись к моему плечу. Смутившись, я опустил взгляд вниз и увидел её сведённые вместе колени, чуть выше которых начиналась узкая чёрная юбка. Я не понял, что она сказала, мимо прошла улыбающаяся Акари, что-то сказала девушке и та погладила меня по голове узкой тёплой ладошкой. Она стоя-

ла так близко, её грудь тогда показалась мне очень большой. Мне даже показалось, что я увидел краешек её кружевного бюстгальтера. Член у меня тогда вставал по любому поводу и уж тем более, он не остался в стороне в такой ситуации, и когда эта чудесная девушка взяла меня за руку и повела за собой, я неловко сутулился, пытаюсь скрыть от неё свою мальчишескую эрекцию и мне было чертовски стыдно. Мне так хотелось, чтобы она этого не заметила! Когда я встал, то вдруг оказался почти одного с ней роста. Я вспомнил, что она удивилась, и захихикала, прикрывая ладошкой маленький, как у девочки рот. Пока она тащила меня за собой, она несколько раз оборачивалась и улыбалась мне ободряющей улыбкой. Я готов был идти вслед за ней хоть на край света! Праздничный обед я плохо помню, помню, что сидел рядом с ней и когда наши плечи соприкасались, я готов был провалиться сквозь землю и одновременно умереть от счастья! Она учила меня пользоваться палочками, её горячая грудь периодически упиралась мне в плечо. Честное слово, я тогда чуть не кончил от этого! После обеда она куда-то пропала, я искал её повсюду, но так и не нашёл. От всех этих воспоминаний у меня, как обычно началась эрекция. Я тяжело вздохнул. Сколько ей сейчас? Тогда ей было, наверное, чуть за двадцать, значит сейчас ей около тридцати. Женщины под тридцать никогда не казались мне старухами, наоборот, по моему мнению, именно к этому возрасту, японки достигали своего расцвета. Даже Акари, которой было почти сорок,

я считал привлекательной, не будь она такой грубой и шумной. Если вдуматься, это эротические переживания на свадьбе отца, безусловно, повлияло на мои сексуальные предпочтения. Где-то я читал, что мужчина ищет в каждой девушке черты своей первой любви. Или там было про мать? Не помню точно. Свою настоящую мать, я в любом случае совсем не помнил. Возможно, образом матери для меня стала эта прекрасная незнакомка. Возможно, именно поэтому отношения со сверстницами у меня не складывались. Благодаря яркой для местных внешности, я не был обделён вниманием девочек, но за всю мою «счастливую» юность лишь одна девочка, что жила по соседству оставила какой-то след в моём сердце. Её звали Сакура. В средней школе мы переехали, и я её больше не видел. Акари говорила мне, что вроде как они живут всё там же где и раньше. Это неудивительно, дом у них был по местным меркам просто огромный! Дворец какой-то! Эрекция всё не спадала! Сколько раз я онанировал, представляя себе, как ласкаю ту девушку. Да, в своих мечтах я осквернил её множество, множество раз. Что я только с ней не вытворял! То она соблазняла меня, то я грубо насиловал ее, называя при этом всякими похабными, унижительными словами. Возвращаясь к отношениям со сверстницами, я не вынес из них ничего, кроме стойкой нелюбви ко мне всех моих одноклассников мужского пола. Я понял, что с такими мыслями заснуть мне не удастся, несмотря на сильную усталость. Я спустил трусы, взял телефон, сжал рукой свой пенис.

нис и принялся дрочить, рассматривая фото разных красоток, пока не наткнулся на девушку, которая показалась мне похожей на ту самую, возбуждение моё сразу максимально возросло, через несколько секунд я кончил. Физическое напряжение спало, но я почувствовал себя каким-то опустошённым, как будто я опять изменил своей детской любви. Я вспомнил, как Сакура восхищалась размерами моего члена. Это было на последнем году средней школы, мы тогда с ней переспали три или четыре раза. Честно говоря, не думаю, что мой член какой-то очень большой. Довольно средний, по моему. Громадным его можно назвать, разве что по сравнению с достоинством большинства японских мужчин. К тому же у японок, там и правда всё довольно миниатюрное, то есть для большинства из них мой член действительно довольно крупный. Кроме того нельзя забывать, что Сакуре было тогда пятнадцать лет, и мой член был первым настоящим членом который она увидела. Я уже упоминал, что Сакура была из богатой семьи. Красивой она мне не казалась, на лице её всегда было отстранённое, холодное выражение. За глаза её называли Снежной принцессой. Тем не менее, когда я увидел её впервые, она не показалась мне привлекательной. Потом когда мы сблизились, я понял, что она может быть и весёлой и милой, только почему-то никому этого не показывает. При том, что она была неглупой, очень неглупой. Оценки у неё всегда были гораздо лучше моих. Я у неё всё время домашку переписывал. Отец у неё по слухам был связан с

якудза. Из-за этого у неё совсем не было друзей, кроме меня. С ней приятно было поболтать и проводить время вместе. Как-то незаметно мы с ней стали очень близки. Вспоминая сейчас об этом, я думаю, что скорее инициатива сексуальной близости исходила от неё. Именно поэтому, я не испытывал угрызений совести когда мы расстались. Я бы с удовольствием остался с ней друзьями, но Сакура думала иначе, больше она со мной не разговаривала. Акари говорила, что она даже пыталась покончить с собой, резала себе вены. Не думаю, что она это серьёзно, Сакура была для этого слишком рассудочной. Но её отец меня просто возненавидел. Уверен, он и сейчас с удовольствием отрезал бы мне пару пальцев! А может и не только пальцы. Эти воспоминания отвлекли меня, я стал думать о несделанных уроках, зевнул, подоткнул подушку, мысль о том, что надо бы выключить свет в коридоре была последней, перед тем как я провалился в сон.

– Роман, ты меня совсем не слушаешь! – я смотрел на её обиженно надутые неумело накрашенные губки, круглый подбородок, белую тонкую шею с родинкой с левой стороны. Мне было её немного жаль, она приложила столько усилий, чтобы без запинки произносить моё имя.

– Что?

– Вот об этом я и говорю!

Эта девушка, я с самого начала подозревал, что она просто пытается повысить свой статус в глазах подруг, за мой счёт. Что касается меня, то мне было как-то по барабану.

Она предложила мне встретаться, и я согласился. Но с какого-то момента она начала доставать меня своими назойливыми приставаниями. К тому же и лицо её было самым заурядным. Короче говоря, она не была девушкой моей мечты. Похоже, что даже её запах был мне всегда неприятен.

– Знаешь, давай расстанемся! У меня сейчас совсем нет времени на отношения, – выдавил я из себя, отвернувшись и глядя в пол. Ох, не люблю я все эти выяснения отношений! Сейчас начнётся. Она молчала несколько секунд, видимо до неё, как обычно тяжело доходил смысл моих слов. Потом губы её задрожали.

– Придурок! – она повернулась и быстро пошла прочь, почти побежала, кажется, она расплакалась.

Я смотрел на её быстро удаляющиеся худые ноги в длинных белых носках и думал о том, что, к сожалению, это, скорее всего не конец. Такие, как она не сдаются быстро. К тому же вождельённый ею статус девушки престижного парня она тоже не может упустить так легко. Хотя какой я к чёрту престижный?! Бегаю с подработки на подработку! Оставили бы они уже все меня в покое! Прозвенел звонок, мне пришло в голову, что на следующей перемене наверняка припрутся эти придурки из баскетбольного кружка и будут уговаривать меня вернуться в клуб! Чтоб им пусто было! Содержать меня вы будете, кретины? Или ваш долбаный кружок? Вам-то рекомендации нужны, а до меня вы чего докопались? Вздыхнув я, поплёлся в свой класс, нужно будет после следующе-

го урока как-нибудь по-быстрому свалить! По дороге домой я задремал в поезде и едва не проехал свою остановку. Подойдя к двери своей квартиры, я вдруг ощутил некоторое беспокойство. Был ли виной тому едва уловимый запах духов, который я почувствовал из-за своей двери или что-то другое, внутри меня возникло странное тревожное чувство, а сердце вдруг бешено забилося. На своё обоняние я никогда не жаловался, это были духи, которыми могла пользоваться красивая женщина, в самом расцвете своей женственности, точно не школьница. Прежде всего, потому что они были дорогие, у школьницы на них просто не хватило бы денег. Я осторожно отпер дверь и нерешительно вошёл. Надо было бы произнести приветствие, но язык от чего-то прилип у меня к нёбу. Помявшись в коридоре, я снял кроссовки и, стараясь не шуметь, осторожно заглянул в проходную комнату. В глаза мне сразу бросился светло коричневый чемодан на колёсиках. Он был открыт, вещи из него были разложены на полу. Мой взгляд задержался на крохотных ярко красных кружевных трусиках, такой маленькой красной тряпочке.

– Тётя! – позвал я нерешительно, не в силах оторвать взгляд от её этих трусиков. В следующую секунду я осознал, что в ванной льётся вода и сообразил, что тётя принимает душ. Я застыл в нерешительности, не зная, что предпринять, что если она сейчас выйдет в чём мать родила? Будет неудобно. И в этот момент вода в ванной перестала литься. Я рванулся к входной двери, но было уже поздно, дверь в душе-

вую сдвинулась в сторону и в комнату вошла девушка, завёрнутая в махровое белое полотенце, видны были её круглые белые плечи и такие же белые идеальной формы лодыжки, другим полотенцем она вытирала короткие чёрные волосы. Мне показалось, что она даже что-то напевает. Вытирая волосы, она чуть наклонилась вперёд, с отчаливанием я несколько запоздал, поэтому решил не впадать в панику и между делом уставился на неё. Сердце моё продолжало гулко стучать в висках. Несмотря на короткие волосы, я сразу её узнал, это была та самая девушка, моя вечная сексуальная фантазия во плоти! Это было удивительно, но она совершенно не изменилась, только волосы были короче и фигура ее, пожалуй, лишилась подростковой угловатости, стала невероятно сексуально привлекательной! Я запомнил её довольно взрослой, видимо просто сам я тогда был ребёнком, сейчас же она показалась мне похожей на школьницу, такая она была маленькая и хрупкая, короткая стрижка только усиливала это впечатление. Ещё меня поразило, что грудь у неё была действительно огромной, какой-то неприличной, особенно для её стройной фигуры и небольшого роста. Неожиданное появление этой девушки в образе моей тёти поразило меня настолько, что я, похоже, даже рот открыл. Со стороны я, наверное, выглядел довольно глупо. Однако рассматривать её так дальше было совсем уже неприлично, к тому же меня кольнула мысль, что она будет делать дальше, и я сказал громко.

– Добрый вечер, тётя!

Она испуганно вскрикнула и полу присела.

– Ах! – полотенце соскользнуло с её талии, я успел заметить остроконечные соски крупной груди и пушок на её лобке, она присела, прикрываясь руками.

– Прошу прощения! – я отвернулся. Кажется, щёки у меня загорелись от прилившей к нему крови. Офигеть! Она охрененно хороша! Именно такой я её себе и представлял! Судя по шуршанию ткани, она схватила одежду и выбежала в соседнюю комнату. Скосив глаза, я посмотрел на чемодан, красные трусики исчезли. За моей спиной сдвинулась дверь.

– Можешь повернуться! – голос у неё был совсем не как у Акари, не грубый и резкий, а приятный, такой же приятный, каким мне запомнился. Я повернулся. «Не часто тут встретишь такую красавицу!» – думал я, разглядывая свою тётю. Она смущённо поправила волосы плавным движением руки. Было забавно смотреть на то, как она пытается выглядеть старше, как пытается выдержать покровительственный тон, которым, как ей кажется, она должна со мной разговаривать. Но получалось это у неё плоховато, по-моему, она просто не могла притворяться долго.

– Ты очень вырос, Роман-кун, – сказала она, смущённо улыбаясь.

– А Вы совсем не изменились, тётя! – вырвалось у меня.

Щёки её порозовели, маленький ротик приоткрылся. Не всё же мне смущаться! На ней была синяя пижама с котиком,

довольно нелепая, на мой взгляд, но даже этот мешковатый наряд не мог скрыть её красоту. У неё были правильные черты лица, маленькие пухлые губы и большие, как будто всё время удивлённые глаза в обрамлении длинных пушистых ресниц. Упавшая на лоб чёлка делала её немного похожей на очень женственного парня. Вообще она выглядела скорее, как полукровка, и если бы не очень белая кожа и чёрные волосы, она вообще не напоминала бы японку. Сейчас щёки её залил румянец, она выглядела совсем молоденькой, свежей и милой, как школьница средних классов. Я подумал, что она оказалась даже красивее, чем мне запомнилась, что было удивительно, так как подростковая память скорее должна была приукрашивать её, ведь всё-таки прошло почти восемь лет с тех пор, как я видел её в последний раз.

– Прошу меня простить! – я поклонился, моё смущение совершенно прошло. Я ощутил, что из-за того, что она смущена гораздо больше, я получил некое преимущество над ней.

– Ничего. Это я должна извиниться за внезапное вторжение! Моего мужа перевели в Токио. Мы не так давно сюда переехали, – она поклонилась, нервно сжав тонкие пальцы, на одном из которых я заметил кольцо похожее на обручальное.

– Я Роман!

– Я Такаги Марисе, позаботься обо мне, – сказала девушка и опять покраснела.

« Ей никак не дашь больше двадцати. Ну, может двадцати трёх» – подумал я, хотя и знал, что этого не может быть.

– Сколько Вам лет тётя? – ляпнул я, вопрос был неприличным и я тут же пожалел, что спросил об этом. Марисе вспыхнула, её карие глаза раскрылись ещё больше.

– Мне двадцать восемь. К чему эти вопросы? – она казалась скорее удивлённой, чем рассерженной.

– Простите.

В этот день у меня не было подработки и, и мне захотелось проявить себя гостеприимным хозяином.

– Я схожу в магазин. Нужно что-нибудь купить на ужин!

– Да, конечно! Я пойду с тобой! – она засуетилась, выволокла чемодан в соседнюю комнату, я слышал, как Марисе переодевается. Она появилась в свободном летнем платье из светлой ткани, под которым угадывались очертания её хрупкого тела. Под этим платьем она безуспешно пыталась скрыть полную пазуху своих грудей. Я подумал, что это у неё не очень получилось. Я ощутил некоторое трепетное волнение, как младшекласник впервые идущий в старшую школу, в которой, как он думает его, ожидает новая взрослая жизнь. Такого со мной давно уже не бывало. Пока мы шли до магазина, моя рука как бы невзначай несколько раз коснулась её нежных, как у девочки пальцев. Вообще она выглядела в этом платье, как чрезвычайно рано созревшая школьница и это создавало совершенно сногшибательный эффект. Я то и дело поглядывал на неё, Марисе кусала губы, похоже

она чувствовала себя не в своей тарелке. Несколько молодых мужчин засматривались на неё столь явно, что я невольно начинал завидовать самому себе. Марисе же казалось, не замечала этих восхищённых взглядов, или делал вид, что не замечала. Мне очень хотелось взять её за руку, но я был уверен, что Марисе мне такого не позволит. Идти было приятно, идти рядом с ней мне было приятно вдвойне, прошла неделя с того момента, как в Токио наступило лето, но уже было довольно тепло.

– Ты учишься в школе? – прервала неловкое молчание Марисе.

– Второй класс старшей, – отвечал я.

– Второй класс? – в её голосе прозвучало удивление, – ты такой крупный! И выглядишь совсем взрослым.

– Это потому, что я не японец.

– Прости, – она смутилась.

– За что? – я равнодушно пожал плечами, меня такое уже дано не задевает. Мне хотелось спросить, что заставило её поселиться у нас, но я счёл, что это будет невежливо. В магазине знакомый продавец смотрел на нас с такой откровенной завистью, что мне стало его даже жалко. «Думает, наверное, что это моя девушка!» – подумал я не без некоторого самодовольства. Мы затарились продуктами, почти все выбирала Марисе, а я только пожирал её глазами всё это время. Я хотел оплатить из своих денег, но она мне не позволила.

– Ты ещё в старшей школе! – строго заявила она. Эти её

попытки выглядеть старше меня слегка позабавили. По дороге к дому мы почти не разговаривали. У меня опять появилось ощущение, что Марисе смущена больше чем я. Это само собой давало мне чувство превосходства над этой красивой женщиной, которая была старше меня. Мне пришло в голову, что даже когда мы молчим, мне не становится неуютно рядом с ней. Молчание не тяготило, во всяком случае, меня. Это было для меня довольно нетипично. Я вообще с трудом сближаюсь с людьми. Например, прошло много времени, прежде чем я смог нормально общаться с Акари и даже спорить с ней. Моя так называемая «любовь» с Сакурой во многом была вызвана тем, что мне было комфортно общаться с ней. По началу я, даже думал, что и, правда, влюбился в неё. Гормоны видимо били мне в голову. Честно говоря, мой первый раз был не то чтобы провальным, но не представлял собой ничего особенного. Возможно, если бы я и, правда, был влюблён в Сакуру, всё было бы по-другому. С другими девушками было нормально, но на самом деле, если вдуматься не так уж сильно секс с ними отличался от обычной дочки.

– Я приготовлю кари? – предложил я.

Она кивнула и принялась мыть посуду. Фартук Акари очень ей шёл. Несколько раз я смотрел на неё сзади, даже под свободным платьем попка у Марисе выглядела упругой и подтянутой. Чтобы как-то отвлечься, я попробовал, но не смог припомнить, как выглядела в этом фартуке моя маче-

ха. Кари это единственное, что я умею из японской кухни, будем надеяться, что в этот раз он мне удался.

– Удивительно, ты даже освоил традиционные японские блюда, – сказала Марисе, когда мы уселись за стол.

– Очень вкусно, – она опять слегка покраснела. Врет, небось!

– Спасибо.

За ужином Марисе рассказала, что работает учителем младших классов.

– То есть работала, – поправилась она.

Сейчас она ищет работу. Мне сразу показалось, что Марисе что-то недоговаривает, но уточнять я не решился. А смотреть на неё было приятно, когда она ела, мыла посуду или просто молчала, она выглядела невероятно утончённой и милой. Я уже тогда понял, что когда смотрю на неё на душе становится как то спокойно и приятно, комфортно в общем. Мне с самого начала было комфортно с ней. Такого у меня ни с кем не было. И в тоже время у меня появилось ощущение, что Марисе всё время контролирует себя, в какой-то момент мне даже показалось, что она вот-вот сорвётся и закричит что-нибудь непристойное, но этого, конечно же, не случилось. Чем больше я смотрел на неё, тем больше мною овладевало странное возбуждение, оно было сексуальным, но не только. Глупо в этом признаваться, но я вдруг ощутил себя счастливым. Марисе легла спать в моей бывшей комнате, а я разместился на диване. За тонкой перегородкой, я слы-

шал, как она ворочается на моём футоне. Мне казалось, что в нашей маленькой квартире теперь повсюду её запах, тот самый запах, который был одной из ярких составляющих моих сексуальных фантазий. И, чёрт возьми, мне впервые нравилась эта убогая конура! Моя эрекция всё не проходила, а мастурбировать мне почему-то совершенно не хотелось. Я решил принять душ и успокоиться. Когда я вышел из ванны, Марисе, по всей видимости, уже спала. А всё-таки приятно быть чистым! Я быстро заснул, и засыпая мне казалось, что я слышу её ровное дыхание у своего уха, хоть Марисе и находилась в соседней комнате. Разбудило меня Солнце, бывшее прямо в глаза. Было очевидно, что школу я уже проспал. Невелика потеря! Я сощурился, потянулся и сел. На столе лежала записка.

«Ушла по поводу работы. Скоро вернусь. Марисе.»

Я сбавил себе на скорую руку большой бутерброд. Пока варилось кофе, я его почти съел, рассыпая крошки по всей «гостиной». Пройдясь по комнате, я вспомнил, что несколько вещей остались в моей прежней спальне. Я отодвинул в сторону перегородку, ступив в свою бывшую комнату, я испытал некий трепет, как будто вошёл в комнату незнакомой девушки. «Во-первых, это моя комната! А во вторых она не моя девушка!» – успокаивал я себя. Я достал из шкафа джинсы и пару футболок, взгляд мой упал на корешок синей книжки выглядывавшей из-под футона. Я вышел из комнаты, прикрыл за собой дверь, надел джинсы, натянул фут-

болку, взглянул на часы. До подработки ещё было прилично времени. Я налил себе кофе, корешок синей книжки не выходил у меня из головы. «Просто интересно, что она читает!» – успокаивал я себя. Напряжённо прислушиваясь, ощущая себя преступником, я вернулся в бывшую свою комнату, присел около постели и вытащил книжку. Взяв её в руки, я сразу понял, что это не книжка, открыв её я увидел множество иероглифов выведенных аккуратным почерком отличницы. Это был дневник Марисе. Я удивился, что она так старомодно ведёт рукописный дневник. Не отдавая себе отчёта в своих действиях, ощущая себя порядочной свиньёй, я начал читать и уже не мог остановиться. Я сидел на футоне, на котором прошлой ночью спала Марисе, вдыхал её запах, чертовски приятный запах и читал одну страницу за другой. Я больше не прислушивался, не боялся, я позабыл обо всём. Дневник был написан довольно сумбурно, он не представлял собой описание каких-то событий, скорее это были её мысли, переживания. Этот дневник отражал внутренний мир его владелицы, и чем больше я погружался в её мир тем более странным он мне казался. Какие-то части были написаны хорошо, точно художественная книга, у Марисе явно был литературный талант. В то же время целые страницы представляли собой, хаотичную, малопонятную кашу, иногда походившую на бред сумасшедшего.

«... совершенно очевидно, что я ущербная женщина! То, что я не способна кончить, это ещё не так страшно, но я да-

же не могу доставить удовольствие своему мужу! Такими-чи говорит, что хочет развестись со мной. Это больно, но так будет лучше для него. Его родственники перестанут пилить его, они, наконец, смогут вздохнуть спокойно. Но я чувствую, что всё это ложь! Во всём столько лжи! Все эти люди за всю свою жизнь не сказали и слова правды! Такими-чи никогда не интересовался мной, как женщиной, ему просто нужна была жена, чтобы ему было комфортно. Он просто хотел жить обычной жизнью. После того, как стало ясно, что я не могу забеременеть, он совершенно потерял ко мне интерес. Если бы я была хотя бы немного красивее!...»

Во рту у меня стало сухо, я облизнул губы и продолжал читать.

«...Нормально ли это, притворяться кем-то другим? Мне кажется, на всех нас с самого рождения надевают маски, и мы вынуждены носить их всю жизнь. Если же ты пытаешься снять её, то сразу становишься изгоем. Но ведь я не выбирала эту маску! Никто меня не спрашивал! Когда я попробовала поговорить об этом с Такими-чи, он посмотрел на меня, как на сумасшедшую!...»

Было совершенно очевидно, что Такими-чи, это её муж. Честно говоря, у меня в голове не укладывалось, как можно было не любить такую женщину, как Марисе. Если бы она была моей девушкой...

В замке повернулся ключ и я подскочил как ужаленный.
– Я дома!

Когда Марисе вошла в квартиру, я полулежал на диване, листая новостную ленту в телефоне.

– Привет. Ты сегодня не в школе? – удивилась она.

– Я проспал. У меня сегодня подработка, – отвечал я, стараясь успокоить бешено стучащее сердце.

Она закусила губу, поколебавшись, сказала.

– Это конечно не моё дело, но мне кажется, что ты должен ходить в школу!

– Звучишь как учительница! – я сел на диване и посмотрел на неё. Впервые я видел её в деловом костюме. Выглядела она потрясно! Это была та самая учительница о которой я мечтал в средней школе!

– Но я и есть учительница! – Марисе улыбнулась, как то неуверенно, её щёки слегка порозовели.

– Как прошло собеседование? – осведомился я, чтобы сменить тему. Марисе неуверенно села в кресло, узкая юбка задралась чуть выше, чем следовало, она вспыхнула, как среднеклассница. Трусики у неё сегодня были белые.

– Я могу приступить со следующей недели! У них учительница скоро уходит в декрет.

– Это здорово! Рад за тебя!

– Спасибо! Если можно я поживу у тебя ещё немного? Пока не найду квартиру! – попросила она мило смущаясь.

– Ваш муж не будет против? – эти слова вырвались у меня по мимо моей воли. Но её побледневшие щёки почему-то принесли мне садистское удовлетворение.

– Нет! – отводя глаза, сказала Марисе, сдавленные узкой юбкой, её бёдра конвульсивно сжались.

– У нас возникли некоторые проблемы в отношениях. Мы решили пока пожить отдельно, – сказала она, полностью овладев собой. Щёки её постепенно розовели, она разгладила на бёдрах юбку нервным движением, потом подняла глаза и посмотрела на меня. Каждый раз когда она так смотрела мне казалось, что она уже на пределе. Этот взгляд молил о помощи, я растерялся не зная что и думать. Марисе опустила глаза, на секунду она закусила нижнюю губу. Я почувствовал, что спина у меня взмокла и это меня разозлило.

– Станный он. Я бы не отпустил от себя такую красивую девушку! – пристально глядя на Марисе, сказал я. Щёки Марисе залила краска, сделав над собой усилие, она посмотрела на меня и сказала строго:

– Что это за вопросы такие? Тебе не кажется, что неприлично говорить такое своей тёте? – голос её слегка дрожал.

– Прощу меня простить! – я несколько нарочито склонил голову, глядя на неё из подлобья, отлично осознавая, что извинения прозвучали довольно фальшиво. Марисе нервно поёрзала в кресле и встала.

– Мне нужно переодеться!

Дождавшись пока она выйдет я вскочил и крикнув:

– Тётя Марисе, я ушёл!

Я поспешно натянул кроссовки и выскочил из квартиры, громко хлопнув дверью. Стараясь производить, как можно

больше шума я сбежал вниз по лестнице, в парке поблизости уселся на скамейку, вертя в руках свой проездной. Потом сунул его в рюкзак, какая-то сила как-будто подталкивала меня в спину. Выждав около получаса, я поднялся со скамейки и пошёл обратно к своему дому. Стараясь, чтобы не скрипнула ни одна ступенька, я поднялся на галерею и остановился около своей двери. Я прислушался, за дверью была тишина. Осторожно отперев замок, я бесшумно проскользнул внутрь. Во всяком случае, мне казалось, что бесшумно. Прислушавшись, я уловил шум льющейся воды, Марисе принимала душ. Сняв кроссовки, я прокрался к двери в ванну. Возможно, я не совсем отдавал себе отчёт в том, что делаю. Увидеть её обнажённой, этому желанию я не мог противиться, да и не хотел, если честно. Это конечно было очень по-детски, но я ничего не мог с собой поделать. Сердце моё бешено стучало, я приоткрыл дверь. Марисе стояла спиной, запрокинув кверху лицо, вода лилась по её плечам, спине и попе. Её белая подтянутая попка выглядела чертовски соблазнительно, выглядела так, как я себе и представлял. Сперва я не понял, что она делает, Марисе провела рукой между своих ягодиц, я подумал, что она моет себя там, но рука её задержалась в ложбинке между ягодицами. Я догадался, что Марисе ласкает свою попу, присев она повернулась ко мне боком, второй рукой она сжимала свою грудь. В первый раз я толком не рассмотрел её грудь, но теперь она показалась мне невероятно красивой, такой, какие бывают только

у моделей или айдолов, что касается размера, то для японки очень большой. Но даже дело не в размере, грудь Марисе была очень красивой формы, если не соврать такая форма груди была у Мерэлин Монро или Джейн Мейнсфилд, у какой-то из них. Или у них обеих? Не помню. Короче говоря, обнажённая Марисе выглядела так, что можно было умереть только мельком взглянув на неё! Во всяком случае, для меня не было, нет и не будет женщины красивее чем она! Но я отвлёкся. Присев на корточки, и прогнувшись в спине Марисе самозабвенно ласкала себя, закрыв глаза, она закусилла нижнюю губу, щёки её сильно покраснели. Несколько раз она облизывала свои пальцы и снова погружала их между своих ягодиц, похожих на круглые ягодицы девчонки. Я смотрел на неё не в силах оторвать взгляд, член у меня так сильно встал, что мне стало больно. Марисе протолкнула два пальца себе в попу и сильно застонав, сжала сосок своей левой груди, задышала прерывисто и глубоко. Спина её изогнулась как струна, мне казалось, что я могу пересчитать все её крохотные трогательные позвонки. Невозможно было оторвать взгляд от её нежных круглых плечей, мокрых волос, эротично прилипших к шее, напряжённых ягодиц между которыми двигались её тонкие пальцы. Некоторое время Марисе ласкала себя, потом вдруг всхлипнула, опустилась на колени, закрыв лицо руками, и заплакала, плечи её трогательно вздрагивали. По правде сказать. Я хотел уже войти в душ и наброситься на неё, мне почему-то казалось, что застигнутая

в таком состоянии, она не сможет отказать мне, но когда она вдруг разрыдалась, меня словно в печень ударили. Я отпрянул от двери в душевую, меня била странная дрожь, сердце гулко стучало в висках, я осторожно прикрыл дверь, ступая на носках, вышел из квартиры, руки мои дрожали, громко щёлкнувший дверной замок привёл меня в чувство. Я испуганно замер, прижавшись к стене подле входной двери. Вода в ванне смолкла.

– Роман, это ты? – услышал я испуганный голос Марисе. Мне показалось, что её голос дрожит. Держа кроссовки в руках, я сбежал по лестнице вниз, надел обувь и быстро пошёл к станции. В себя я пришёл уже в вагоне. Мысли в моей голове путались. Кажется я уже говорил, что у меня был уже некоторый сексуальный опыт, но ни разу я не испытывал такого сильного сексуального влечения как сейчас. Всё время пока я работал, принимал товар, расставлял коробки, мыл пол, я думал о Марисе. Благо работа у меня голову особо не загружает. Если так рассудить она уже взрослая, а я еще, по сути, ребёнок. То есть я изначально в невыгодном положении. Было очень странно, что такую красавицу отпустил муж, похоже, он вообще не ценил её, не считал красивой. У меня это в голове не укладывалось. Меня охватывала тоска при мысли, что Марисе никогда не будет моей девушкой. По дороге домой, у меня опять встал при одной мысли о ней, пришлось мне прикрываться рюкзаком, чтобы скрыть сильнейшую эрекцию. Это было раздражающе по-детски и я

злился на себя.

– Я дома!

– Привет! Хорошо поработал? – на Марисе была простенькая домашняя одежда, застиранная футболка, видимо из запасов Акари, сильно обтягивала грудь.

– Очень мило выглядишь! – сказал я тихо.

– Что?

– Ничего. Спасибо всё хорошо.

– Будешь ужинать? Я приготовила такояки!

– Буду, спасибо.

Во время ужина опять повисло тягостное молчание. Теперь оно больше не радовало меня, не давало мне чувство превосходства над Марисе. Я смотрел, как она сидит, держа спину прямо, словно отвечает урок и ест аккуратно, не спеша, тщательно пережевывая, как двигаются её тонкие пальцы, изящные кисти её рук, а перед моими глазами всё время возникало видение её голого мокрого тела, и этих пальцев, бесстыдно ласкающих свою попу.

– Сегодня днём, ты возвращался в квартиру? – спросила вдруг Марисе, в голосе её появилась какая-то тоска и напряжение.

Я едва не подавился, закашлялся, аж слёзы на глазах выступили.

– С чего ты взяла?

– Мне показалось, что я слышала, как ты приходил, – она смотрела на меня так, как будто я был судьёй, а она обвиняе-

мой. Мне захотелось спросить, кончает ли она когда ласкает свою попу, но мне сразу же стало стыдно, ведь это я за ней подсматривал.

– Тебе показалось. Я не возвращался.

За оставшееся время ужина мы ни разу не взглянули друг на друга. На следующий день Марисе ушла куда-то рано утром. Едва за ней закрылась дверь, я уже сидел в её комнате и читал дневник, который лежал на том же месте. На последней странице я прочёл:

«Мой племянник, кажется хороший человек. Он почему-то волнует меня. Ловлю себя на том, что постоянно думаю о нём. Интересно член у него такой же большой?»

Последнее предложение было тщательно замазано, но посмотрев на свет, я смог его прочитать.

«Боже мой, до чего я дошла? О чём я только думаю?! Если он узнает, кто я на самом деле он будет презирать меня! Неужели я никогда не буду счастлива? Иногда кажется, что лучше мне умереть!»

Мне стало не по себе, я вернулся к тому месту, на котором остановился в прошлый раз и погрузился в чтение. Постепенно передо мной развернулась вся её, довольно несчастная жизнь. Это ощущение тоски ещё более усиливалось тем, что писала она хорошо, очень хорошо. Каждая страница этого дневника отражала натуру тонкую, чувствительную и очень ранимую. Марисе подробно описывала каждый свой сексуальный опыт, который впрочем, был невелик и скучен. Един-

ственным мужчиной Марисе был муж, который совершенно не стремился понять её. Постепенно секс с ним начал вызывать у неё отвращение. Последние полгода сексом они не занимались вовсе. Марисе с тоской писала о его упрёках. Муж обвинял её в том, что она никак не может забеременеть. Даже для этого ты не годишься! – это было самое мягкое из того что он ей говорил.

«Я совершенно бесполезна! Я не могу удовлетворить своего мужа! Я даже не могу родить ему ребёнка!»

Несколько страниц были пропущены. Потом следовали несколько бессмысленных бессвязных предложений. Я продолжал читать.

« Там ничего нет, там темно и страшно. Очень страшно! Меня никто не любит, никто не будет грустить обо мне...»

Я отложил дневник, и некоторое время сидел, глядя перед собой. В голове у меня царил порядочный бардак. Постепенно я смог сформулировать для себя вопрос на который мне предстояло ответить. Я уже не мог больше прятаться за цинизмом и равнодушием. После прочтения дневника Марисе мне стало очевидно, что она находится на грани. Возможно, на грани самоубийства. Если я..., то есть если я стану её парнем..., я хочу сказать, что мне придётся нести ответственность за неё. Это грубо прозвучало, прозвучало так словно она собака какая-то. Но из её дневника я понял, что она очень остро нуждается в ком-то, кто о ней позаботится. О ком-то кто никогда её не бросит. Это я понял. Мне, ко-

нечно, нравится Марисе, я, похоже, даже люблю её, но готов ли я нести ответственность за её жизнь? В конце концов, я ещё даже школу не закончил! Не хочется признавать, но в тот момент я просто сдрейфил. Повёл себя, как жалкое ссыкло, придумавшее себе оправдание, чтобы не принимать никакого решения! Марисе, я любил тебя всегда! И тогда любил! Прости мне, что я такой трус! В тот момент мне захотелось куда-нибудь свалить. Я собрал рюкзак, кинул в него смену белья и зубную щётку, вышел из дома и пошёл к автобусной остановке. Я успокаивал себя тем, что мне надо было всё хорошо обдумать, а когда я видел Марисе, я совсем не мог думать. Был только один человек, к которому я мог бы пойти. Ну, кроме Акари, но к Акари я бы не пошёл, даже если бы знал, где она находится. Как я и ожидал, Сакура появилась около своего дома ближе к вечеру. Мы не виделись два года, но я узнал её ещё издали. Хотя она и здорово изменилась. Короче она стала красавицей, но от неё теперь ещё сильнее веяло каким-то отстранённым холодом, как от Снежной Королевы. Сакура словно бы замораживала всё на своём пути. Она остановилась около меня сидевшего на корточках у забора и молча, разглядывала несколько минут. Когда она узнала меня, лицо её исказилось на секунду, но лишь на секунду.

– Привет Сакура, – выдавил я заискивающе.

– Смотрите, кто пришёл! – сказала она язвительно. На ней была тёмно синяя школьная форма, которая очень ей шла,

гладкие чёрные волосы спускались ниже плеч, она презрительно смотрела на меня из-под длинных чёрных ресниц.

– Какой школы эта форма? – я неловко поднялся, отрываясь и, как не сутулился, сразу оказался на голову выше неё, хотя для японской школьницы она была очень высокой. Во всяком случае, она была значительно выше Марисе.

– Престижной. Мне идёт? – спросила Сакура, довольно сухо.

– Очень, – искренне сказал я.

– Поругался с Акари?

– Да нет. Не совсем, – смущённо отвечал я.

– Думаешь, я позволю тебе переночевать, как в старые времена? – сказала она, испытующе глядя на меня снизу вверх.

– Ну да, вообще-то... – я смущённо замолк.

Сакура усмехнулась, на секунду лицо её так исказилось, что мне стало страшно.

– Пошли. Родителей нет дома. Пока нет, – не взглянув на меня, она отперла дверь, ведущую в располагавшийся перед домом небольшой садик и, не оглядываясь, пошла вперёд по усыпанной гравием дорожке. Идя вслед за ней, я подумал, что возможно она всё ещё не совсем отошла. Честно говоря, плевать мне было на её родителей, реакция Сакуры на моё появление, меня расстроила, даже напугала. Я уже жалел, что пришёл к ней. Лучше мне было переночевать в капсульном отеле или просто просидеть всю ночь в круглосу-

точном кафе у станции. И всё же через минуту я сидел в её комнате, на втором этаже прижимая к себе рюкзак. Немало меня не стесняясь Сакура переделалась прямо в моём присутствии. Я смущённо отвернулся, заметив это моё смущение, она усмехнулась.

– Знаешь, когда ты меня бросил, я чуть с ума не сошла. Мы были в средней школе, а я размечталась, что выйду за тебя замуж! Вот же дура! – со злостью сказала Сакура. У меня стало совсем тошно на душе и я неловко поднялся, прижимая к себе рюкзак.

– Прости. Я пойду, – я сделал шаг к двери, но Сакура остановила меня.

– Да ладно, чего уж, – сказала она горько. И тут я понял, что на самом деле она уже пережила наше расставание, и только моё появление растревожило эти давно зажившие раны. И ещё я подумал, что она и правда меня любила. Ну, насколько может любить девчонка которой ещё даже не исполнилось пятнадцать.

– Мне будет стыдно, если тебе придётся спать на улице! – добавила она с презрительной усмешкой.

– Только сиди тихо. Уже скоро мама придёт. Увидит тебя здесь, точно выгонит, а отец и убить может!

– Не хотелось бы, – угрюмо отвечал я. Отец Сакуры был похож на бандита. В школе болтали, что он якудза, но я в это никогда не верил.

– Я принесу тебе поесть пока родители не пришли, – Са-

кура взялась за ручку двери и сказала обернувшись.

– Сегодня ты совсем такой, как два года назад. Только сильно подрос.

Она вышла. Я сел на пол, прислонившись спиной к её кровати, всё также прижимая к себе свой рюкзак. Всё в этой комнате пахло Сакурой, и этот запах, был для меня запахом из детства, запахом моей ушедшей любви.

Лежа на полу, рядом с кроватью Сакуры, я всё никак не мог уснуть. Марисе звонила несколько раз, но я сбрасывал звонок. В комнате было темно и, я почти не видел Сакуру. Я уже думал, что она уснула.

– Это звонила твоя девушка? Вы поругались? – спросила Сакура.

– Нет. Это не то, – отвечал я, почему-то её вопрос заставил меня смутиться.

– Хочешь поспать со мной? – спросила вдруг Сакура.

– Ты чего это? Что скажет на это твой парень? – удивился я.

– Сейчас у меня нет парня, – Сакура подвинулась, освобождая мне место.

– Ладно, – я лёг рядом с ней поверх одеяла, Сакура дала мне свою старую пижаму и эта пижама была мне зверски мала, вероятно, я смотрелся в ней довольно нелепо, но может быть Сакура и хотела, чтобы я чувствовал себя неудобно.

– Ложись под одеяло! – попросила она, каким-то странным голосом. Делать было нечего, я залез к ней, она была

очень тёплая и приятно пахла. На секунду у меня промелькнула в голове мысль, что она сейчас закричит, обвинит меня в изнасиловании. Неужели я мог думать о ней так плохо? Я боялся придвинуться к ней, но Сакура сделала это сама. Сердце моё бешено стучало. Несколько минут мы лежали, молча слушая дыхание друг друга.

– Ты хочешь? – тихо спросила Сакура, каким-то странным сдавленным голосом.

– Сакура, нам лучше этого не делать, – с трудом сглотнув, сказал я.

– Ты прав, – она замолчала. Сквозь тонкую ткань пижамы я слышал, как бьётся её сердце.

– Знаешь, я давно хотел сказать тебе. Извиниться. Прости меня, Сакура, – сказал я тихо.

– Ты об этом? – она едва заметно пожала плечами, – это всё уже прошлое.

– Роман, я на самом деле ни о чём не жалею. Пусть ты и оказался мудаком, но тогда когда я любила тебя, я была по-настоящему счастлива! Так что не извиняйся больше! – она замолчала.

Её дыхание постепенно выровнялось, она уснула или сделал вид. Я лежал, боясь потревожить её сон, моя рука на которой лежала её голова затекла, вторую я вытянул вдоль тела, стараясь ненароком не коснуться бедра Сакуры. Теперь мне стало ясно, почему я пришёл сюда. Мне нужно было получить у неё прощение! Сакура права, я и, правда, мудака!

Всё время я думал только о себе! На чувства Марисе мне было наплевать! Пожалуй, мне следует узнать чего хочет она, а уже потом думать, на что готов пойти или не пойти я сам! Через некоторое время, я всё же смог убрать руку из-под головы Сакуры не разбудив её и, скоро тоже заснул. Проснулся я очень рано, было довольно прохладно. В японских домах почти всегда прохладно. Я лежал глядя в серый потолок и думал о Марисе. И вдруг я понял, что смертельно хочу её видеть. Я осторожно встал, опасаясь разбудить Сакуру, разыскал свою одежду и стараясь быть максимально тихим оделся. Пижаму я сложил и повесил на спинку стула, закинул за спину рюкзак и держа кроссовки в руках выглянул на лестницу. Лестница уходила вниз на первый этаж, и там внизу было уже совсем светло. Я оглянулся, Сакура спала, во сне она была похожа на маленького ребёнка, каким я помнил её с младшей школы, я выскользнул в коридор, прикрыл за собой дверь и начал спускаться вниз замирая от страха. Перед тем как закрыть дверь, я посмотрел на Сакуру, мне показалось, что она глядит на меня из-под приоткрытых ресниц, а её тонкие губы искривились во что-то на подобии ухмылки. Я сел на первый автобус и через пятнадцать минут был в парке рядом со своим домом. Здесь мужество оставило меня, я сел на скамейку, было ещё очень рано и только редкие прохожие в такой час спешили мимо меня к станции. Я думал о том, что я могу, что я должен сделать для Марисе. Так толком ничего и не решив я решил пойти домой. Марисе спала

на диване, поджав под себя ноги, завернувшись в какой-то плед, который, по всей видимости, нашла в шкафу, глаза её покраснели и опухли от слёз, рядом с ней лежал телефон. Я смотрел на её измученное лицо и испытывал одновременно нежность к Марисе, которое смешивалось с острым чувством вины. Мне показалось, что от меня плохо пахнет, я прошёл в душ разделся и встал под струи воды, и сразу же видение ласкающей себя Марисе захватило меня. Член мой сильно встал, я сжал его правой рукой и впервые за долгое время принялся мастурбировать, я кончил, шепча:

– Марисе! Марисе!

В этот момент я представлял себе её круглую упругую попу. Сжимая извергающийся член в руке, я прижался лбом к холодному кафелю душевой.

– Марисе!

К моему удивлению, после мастурбации желание несколько не уменьшилось. Член по-прежнему стоял. Тяжело вздохнув, я принялся намыливать себя. Пока я мылся, мне удалось немного успокоиться. После душа я почувствовал себя посвежевшим, словно заново родившимся. Надев на себя чистое бельё, футболку и шорты, я вышел из ванной, вытирая полотенцем мокрые волосы. Едва я открыл дверь, успел увидеть раскрасневшееся от злости лицо Марисе, и звонкая пощёчина обожгла мою щёку.

– Скотина! Подлая скотина! – закричала она.

Не то чтобы она ударила меня сильно. Честно говоря, от

пощёчины Марисе было больше шума чем боли. Но я признаться слегка опешил, потом разозлился, моё тело действовало, как будто само по себе. Я схватил руки Марисе за запястья, развернул её к стене, прижав её руки над её головой, и поцеловал. Может быть от того, что она не ожидала подобного, мне показалось, что Марисе робко ответила на мой поцелуй. Губы её были нежными, мягкими и до жути приятными, слюна её была сладкой. Её запах, ударил мне в голову, стало чертовски приятно. От этого одуряющее приятного чувства у меня даже закололо в боку, а вставший член упёрся в живот Марисе чуть выше пупка.

– Что?! – она попыталась отстраниться от меня, вырвать свои руки из моих рук, но ей это не удалось. Она была слаба как маленькая птичка, её трепыхания меня только раздражали. Всё что она смогла сделать это откинуться назад, оперевшись затылком в стену, я смотрел ей прямо в глаза. Лицо, шею и даже уши Марисе залила краска, она покосилась вниз на выпирающей бугор моих шорт.

– Что ты делаешь? – проговорила она испуганно.

– Я же твоя тётя! – добавила она жалобно, уже не пытаясь вырваться.

– Мне больно! – глаза её наполнились слезами, щёки её пылали, она тяжело и сдавленно дышала. Я вдруг понял, что Марисе говорит всё это тихим горячим шёпотом, видимо, чтобы соседи не услышали нас. Даже сейчас она продолжала контролировать себя, продолжала сдерживаться. Не знаю

точно из-за этого или нет, но мной овладела ярость.

– Да скажи же уже что-нибудь! – закричал я на Марисе как безумный. Она вздрогнула. Вся сжалась, заморгала жалобно, отчаянно сдерживая слёзы, большие глаза её широко раскрылись. Я смотрел на неё, в душе у меня всё кипело. Я чувствовал, что сейчас она полностью в моей власти, что я могу сделать с ней всё что захочу, и она как обычно не посмеет даже закричать.

– Ты всего лишь жалкая, недоёб-ная сука! Если ты хочешь, чтобы я тебя трахнул, просто скажи об этом! – рявкнул я, на неё.

Она жалобно посмотрела на меня, губки её кривились.

– Не надо! Пожалуйста, не надо! – прошептала она.

– Хорошо, я тебе помогу! – я схватил за ворот её футболку и рванул, материя с треском разорвалась, и грудь Марисе едва сдерживаемая бюстгальтером выпрыгнула наружу. Она вскрикнула едва слышно, упёрлась освободившейся рукой мне в грудь, но очень слабо, она смотрела на меня большими глазами, в которых стояли слёзы, но она не закричала, даже не попыталась. Я уже не мог остановиться, схватив Марисе в охапку, я швырнул её лёгкое тело на диван, она даже не пискнула, только перевернулась, встала на четвереньки и попыталась перелезть через спинку дивана. Видимо она хотела укрыться в моей бывшей комнате, но это у неё бы всё равно не получилось, дверь там хлипкая, название одно. Если бы Марисе жёстко остановила меня, если бы она проявила

хоть каплю твёрдости, я бы тут же сдулся, но она вела себя, как жертва и я только сильнее распаялся. Короче говоря, удрать я ей не дал, схватил её рукой сзади за шею, а шея у неё была тонкая, как у ребёнка и принялся срывать с себя одежду. Марисе всхлипнула и предприняла слабую попытку вырваться.

– Стой на месте, сука! – прорычал я, и едва я сказал это Марисе вся как-то обмякла и прекратила сопротивляться. Она покорно позволила мне задрать юбку себе на спину. Я сдвинул в сторону её маленькие чёрные трусики и вошёл в неё одним сильным движением. И только оказавшись внутри её тела я понял, что там, у Марисе всё горячо и липко, осознал, что она течёт как последняя шлюха. Марисе давно уже перестала вырваться, никаких попыток удрать от моего члена она не делала. Наоборот, она прогнула спинку навстречу моему члену и сдерживая крики впиалась зубками в своё узкое запястье. Сжав обеими руками её тонкую талию, я начал жёстко натягивать нежное тело Марисе на свой член, словно куклу. Несмотря на то, что из неё текло, как вода из прохудившегося крана, ей похоже было больно, но она всё равно подавалась мне навстречу и стонала как заправская шлюха! И тут до меня дошло! Ведь ей это и было нужно! Марисе была из тех которые тащатся, когда над ними доминируют. Всё время пока я думал, что она напугана до безумия, Марисе возбуждалась, текла и больше всего хотела, чтобы я не останавливался! Едва я это осознал, у меня кры-

шу сорвало и начал долбить её максимально жёстко, и чем грубее я это делал, тем больше Марисе стонала и выгибалась мне навстречу.

– Больно! Больно! – шептала она бессвязно. Марисе изогнулась, затряслась, зарычала, словно раненное животное, теперь она совершенно не сдерживалась, и мне пришлось ладонью зажать ей рот, иначе её бы весь дом услышал. Я понял, что она кончает, её влагилице бешено запульсировало вокруг моего члена, такого я никогда ещё не испытывал, и я сразу же кончил, кончил вместе с ней. По-моему я тоже рычал, не знаю. Колени Марисе подогнулись, она упала на живот, придавленная моим весом. Я отпустил Марисе, словно кот только что отымевший самку, я отвалился от неё и сидел рядом на диване тяжело дыша, я ещё не совсем отошёл от сильнейшего оргазма, сердце стучало в висках, но член мой и не думал опадать, он стоял, так сказать возвышаясь как скала, он был твёрд как никогда и, по-моему, больше чем когда-либо. Марисе несколько раз похотливо взбрыкнула тазом, заскрипев зубами, полежала немного уткнувшись лицом в подушку дивана и вздрагивая время от времени, потом вдруг подняла голову и медленно встала пошатываясь, как будто всё ещё собиралась бежать от меня. Она повернулась и посмотрела на меня, её взмокшие от пота волосы прилипли ко лбу, губы были искусаны до крови, она едва держалась на ногах, юбка была задрана до пояса, на обнажённой части груди, скрытых снизу чёрно-красным бюстгалтером выступи-

ли капельки пота. Марисе тяжело дышала и эти огромные шары то поднимались, то опускались, словно жили жизнью отдельной от своей хозяйки. Она стояла передо мной пошатываясь, как пьяная, моя сперма стекла по внутренней стороне её бёдер двумя ручейками и её было чертовски много. Дважды она вздрогнула всем телом, подогнув колени. Она выглядела так, словно была не в себе. Она улыбнулась странной, полубезумной улыбкой, уставившись на мой стоявший вертикально член. Она что-то проговорила, я сперва не разобрал, что, но потом вдруг понял

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.